

КРОКОДИЛ

№ 25 ● СЕНТЯБРЬ 1975

— Я думаю, строителям этот номер не пройдет!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

См. в этом номере стр. 2—9

Животрепещущие темы часто приходят к нам прямо с улицы. Так случилось и на этот раз.

Как-то после работы Крокодил отправился поразмяться, подышать свежим воздухом. Он гулял, и глаз его радовали белые кварталы новостроек, птичьи силуэты подъемных кранов, быстро растущее многоэтажье домов...

«Размах большой!» — с удовольствием думал Крокодил. Однако, любознательный, он подошел поближе и сунул голову за забор одной из строительных площадок.

— Эй, братцы! — удивленно спросил Крокодил строителей. — Что строите!

— Дом.

— Отчего же стены сикось-накось, штукатурка отваливается, щели...

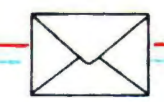

— А ты попробуй сам построить, тогда и узнаешь...

— А вот и попробую! — сказал Крокодил и живо взялся за дело.

И вскоре на углу Малого Сугубого переулка и Конспиративной улицы вырос дом. И Крокодил совсем уж было собрался переехать, как вдруг...

О том, что случилось вдруг, вы узнаете, заглянув на следующую страницу.

«Четыре месяца не работает наш единственный магазин, и жители вынуждены ездить чуть ли не за десять километров, чтобы купить себе необходимое. На наши жалобы местным органам власти следует ответ: «Меры приняты, магазин работает». А он по-прежнему закрыт...».

(Из письма Т. Бычковой, учительницы Сквореченской восьмилетней школы, Каменского района, Пензенской области).

БУМАГА ТЕРПИТ...

Задумывались ли вы когда-нибудь, дорогой читатель, какое значение имеет в нашей жизни бумага? Бумага — это более чем необходимая часть нашего бытия. В каком только виде бумага не приходит к нам! От писем, летящих туда и обратно, до конфет, завернутых в заманчивые обертки, от школьных тетрадок в линейку до отливающих глянцем красивых бланков с резолюциями: «Немедленно разобраться!» или «Меры приняты, магазин работает!»...

Бумага несет нам знания, новости, радости и огорчения. К числу полезных бумажных качеств относится и борьба с недостатками. Вот был я недавно на одном большом заводе и увидел на доске объявлений такой приказ директора: «Учитывая, что за последнее время на территории завода замечено появление работников в нетрезвом состоянии, ПРИКАЗЫВАЮ, чтобы впредь на данной территории пьяных больше не было».

И все распрекрасно. Приказ висит, его читают, меры, стало быть, приняты. Борьба с пьянством проведена. Ну, а то, что граждане в нетрезвом виде появляются на территории завода с той же частотой, что и раньше,— это уже вопрос второй. Это уже нарушители, так сказать, вне плана и обязательств. И вообще непонятно, откуда они берутся, эти пьяницы, если есть приказ. Скорее всего это миф или мираж.

А рассказываю я об этом, дорогой читатель, потому, что ах как часто подменяем мы действия, направленные на искоренение недостатков и зла, бумажками, на которых начертано: «Прекратить!», «Принять незамедлительные меры!», «Срочно искоренить!», «Считать вопрос решенным» и т. д. и т. п.

Это же неизмеримо легче: сел и написал. И подписал. А граждане, которые читают, видят: о них заботятся, про них помнят и думают. И раз в приказе четко сказано: «чтобы впредь на данной территории пьяных больше не было»,— значит, их и не будет. Ведь бумага на видном месте висит!

Что ж до бумаги, то она, как известно, все стерпит.

У моего соседа протекла крыша, и он написал в жэк тревожную жалобу. А в ответ получает крохотную писульку: «Заявление принято к рассмотрению». Окрыленный сосед ждет результата, он уверен, что какие-то заботливые люди лазают по крыше, замеряя размеры дефекта, а другие уже грузят на машину кровельное железо...

И уверенность эта становится твердой, потому что из почтового ящика извлечена другая бумажка: «Ваша просьба о ремонте крыши будет удовлетворена по мере возможности».

«Вот и прекрасно! — думает окрыленный сосед.— О нас не забывают, нас даже взяли на контроль! Значит, вскоре будет все в порядке». Правда, когда будет это «вскоре», никто не знает, но, спрашивается, зачем об этом и знать-то, если есть БУМАГА?

Житель г. Приволье, Ворошиловградской области, А. Сухинин купил в феврале сего года холодильник «Аист», изготовленный производственным объединением «Армэлектромаш», и проработал этот холодильник всего три месяца. А потом начались утомительные поиски агрегата, которого в горбыткомбинате не оказалось.

И написал тогда неудачливый владелец письмо директору «Армэлектромаша» и через месяц получил БУМАГУ:

«Директору завода «Рембыттехника»
Ворошиловград, Аккумуляторная, 1

Копия: тов. Сухинину

Прошу восстановить холодильник «Аист», если нарушений эксплуатации нет.

Дату ремонта сообщите для закрытия жалобы.

Зам. директора Э. А. Аракелян».

Положил окрыленный А. Сухинин бумагу на теплый холодильник и стал ждать результата.

До сих пор ждет, завтракая бутербродами с растекающимся маслом.

Втирая очки, мастер отписки уповает на уважение человека к бумаге, без которой нам действительно не обойтись. И думает при этом: бумага стерпит!

Да, бумага стерпит, но должен ли терпеть человек?

Пусть бумага будет газетой, фантиком, журналом, скатертью, обоями, салфеткой... Но только не ширмой, за которой скрываются бездеятельность, черствость и равнодушие.

Фельетонист

— Вы просили тетрадь в косую линейку...
— Да, но не до такой степени!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Алексей МАЛИН

Феодал

С директором конторы энской как-то
Приватный разговор мы завели:
Мол, так и так, факт остается фактом —
Вы местнически к делу подошли...
Сказал он, покачавши головою:
— Простых вещей не в силах вы понять:
Чужое княже...
Ведомство чужое
Меня не может интересовать!..

Потом он одного из подчиненных
За прямоту ужасно невзлюбил
И, доводов не слушая резонных,
Он от него избавиться решил.
И вот минута подошла такая,
Когда он дал своей идее ход:
— Я видеть вас, Степанов, не желаю
В своем поме...
В конторе нашей. Вот!..

Но, правда, он недолго побыл в силе
И не сумел покуролесить всласть:
Его замашками и разудалым стилем
Общественность вплотную занялась.
«Эх, — думал он, — вот заварилась каша,
Нежданных контролеров черт принес!
Не ваша вотч...
Контора-то не ваша!
Зачем же вы сюда суете нос!»

Дела его закончились скандалом,
Сказали в заключение ему:
— Способны вы работать феодалом,
Но феодалы нынче ни к чему!

г. Симферополь.

Борис ЛАСКИН

ВКЛАДЫШИ

Диалог

СУПЦОВ. Алло! Добрый день. Супцов беспокоит. Не Зубцов, Супцов. Первое — Суп. А? Что на второе? На второе — цов. Иван Ефимыч у себя? Можно его?.. Иван Ефимыч? Добрый день. Вас Супцов беспокоит с авторемонтного...

БУРЧАЛОВ. Слушаю, товарищ Супцов.

СУПЦОВ. Как себя чувствуете?

БУРЧАЛОВ. Нормально. Еще вопросы есть?

СУПЦОВ. Есть. Как считаете, догонит «Спартак» армейцев?

БУРЧАЛОВ. Не знаю.

СУПЦОВ. Иван Ефимыч, помогите.

БУРЧАЛОВ. В отношении чего?

СУПЦОВ. Квартал кончается, а мы горим. Нам до зарезу нужны вкладыши. Всего две сотни.

БУРЧАЛОВ. Отпадает.

СУПЦОВ. Не понял.

БУРЧАЛОВ. Нет в наличии.

СУПЦОВ. Нам всего двести штук.

БУРЧАЛОВ. Знаете такое русское слово — нет? Могу по буквам передать. Николай, Егор...

СУПЦОВ. У нас же родственные предприятия, мы с вами, можно сказать, молочные братья, мы...

БУРЧАЛОВ. Я же ясно сказал, товарищ Супцов. Еще раз повторяю: нету у меня вкладышей.

СУПЦОВ. А если поискать?

БУРЧАЛОВ. Знал бы я, что такой разговор будет, не стал бы трубку брать.

СУПЦОВ. Иван Ефимыч...

БУРЧАЛОВ. Вы интересовались, догонит ли «Спартак» армейцев? Думаю, не догонит.

СУПЦОВ. Я смотрю — до чего же все люди одинаковые: поставишь вопрос впрямую, и сразу разговор на другую тему. У меня брат в этом отношении на вас похож. Сидит он у себя в кабинете, приходит человек: «Товарищ директор, вам это несложно, дайте команду насчет дубленки»...

БУРЧАЛОВ. При чем тут дубленки?

СУПЦОВ. Разрешите, я доскажу. Брат говорит: человек мне про дубленку, а я ему про погоду, про хоккей, про события на Кипре. Если у него есть голова на плечах, значит, должен понять, что овец у нас много, а людей еще больше.

БУРЧАЛОВ. Это безусловно. Он правильно говорит. Последнее время люди просто-таки с ума сходят по этим дубленкам. Взять мою жену...

СУПЦОВ. Ну ладно, двести не можете, но хоть сотенку...

БУРЧАЛОВ. Я вот вспоминаю: раньше в дубленках одни только ночные сторожа ходили, а сейчас просто смех один... Я позабыл — вас как по имени-отчеству? А то я чересчур с вами официально — «товарищ Супцов».

СУПЦОВ. Михаил Васильевич я...

БУРЧАЛОВ. Значит, Михаил Васильевич, осаждают вашего брата, да?.. Дайте, говорят, команду насчет дубленки... Вообще-то он правильно говорит: овец у нас много, а желающих еще больше...

СУПЦОВ. Иван Ефимыч...

БУРЧАЛОВ. Слушаю вас, дорогой.

СУПЦОВ. Ваша супруга какой размер носит?

БУРЧАЛОВ. Кто ее знает... Сорок восьмой, третий рост.

СУПЦОВ. Самый ходовой размер. Там у брата чаще пятидесятый...

БУРЧАЛОВ. Велика не мала. Дело простое.

СУПЦОВ. Если бы не конец квартала, нипочем бы не стал вас беспокоить...

БУРЧАЛОВ. Ладно, как говорится, суду все ясно. Раз вы такой сознательный и болеете за производство, придется пойти вам навстречу. Оформляйте документы на двести штук.

СУПЦОВ. Иван Ефимыч, нет слов.

БУРЧАЛОВ. Я одно только прошу учесть: от себя отрываю, последним делюсь.

СУПЦОВ. Учту, Иван Ефимыч. Извините, тут товарищ зашел, принес заявку. Вот она... Ой-ой-ой...

БУРЧАЛОВ. Что такое?

СУПЦОВ. Боюсь вам даже говорить...

БУРЧАЛОВ. Смелей, Михаил Васильич.

СУПЦОВ. Можете меня послать куда подальше, я не обижусь, но нам не двести вкладышей надо, а триста пятьдесят, вот сколько. Вот вы даже замолчали. Наверно, сейчас думаете: ну нахал, ему один палец, а он всю руку тянет!

БУРЧАЛОВ. Значит, брат-то ваш он Супцов, по отчеству Васильевич, а звать?

СУПЦОВ. Сергей Федорович. Он мне не родной, двоюродный.

БУРЧАЛОВ. Ах, двоюродный?.. Понятно. Вопросов нет. Вообще-то...

СУПЦОВ. Что?

БУРЧАЛОВ. Вообще-то у меня этих вкладышей раз, два — и обчелся...

СУПЦОВ. Он хоть и двоюродный, но ко мне относится лучше родного.

БУРЧАЛОВ. Да?.. Значит, у человека душа... Ну ладно. Готовьте документы на четыре сотни. Пойду вам навстречу, хотя мне это будет потрудней, чем из пятидесятого размера сорок восьмой сделать. Вы мою мысль уловили?

СУПЦОВ. Как не понять! Одну минуточку, Иван Ефимыч, еще раз прошу извинить. Ко мне тут работник зашел из отдела снабжения. Вот я ему сейчас скажу... Андрей Петрович, лично товарищ Бурчалов Иван Ефимович дает нам четыреста вкладышей... Что?.. Да?.. Серьезно?.. Порядок!.. Иван Ефимыч, отбой!

БУРЧАЛОВ. То есть?

СУПЦОВ. Отпала нужда.

БУРЧАЛОВ. Это почему же?

СУПЦОВ. Получили мы две тысячи штук. Не будем у вас отнимать последнее.

БУРЧАЛОВ. Нет, это не разговор! Я уже дал принципиальное согласие, себя, можно сказать, под удар поставил...

СУПЦОВ. Если у вас случится затруднение, звоните, поделюсь.

БУРЧАЛОВ. Чем вы поделитесь?

СУПЦОВ. Теми же вкладышами.

БУРЧАЛОВ. Спасибо... А вы размер-то запомнили?

СУПЦОВ. Так они ж типовые, стандартные.

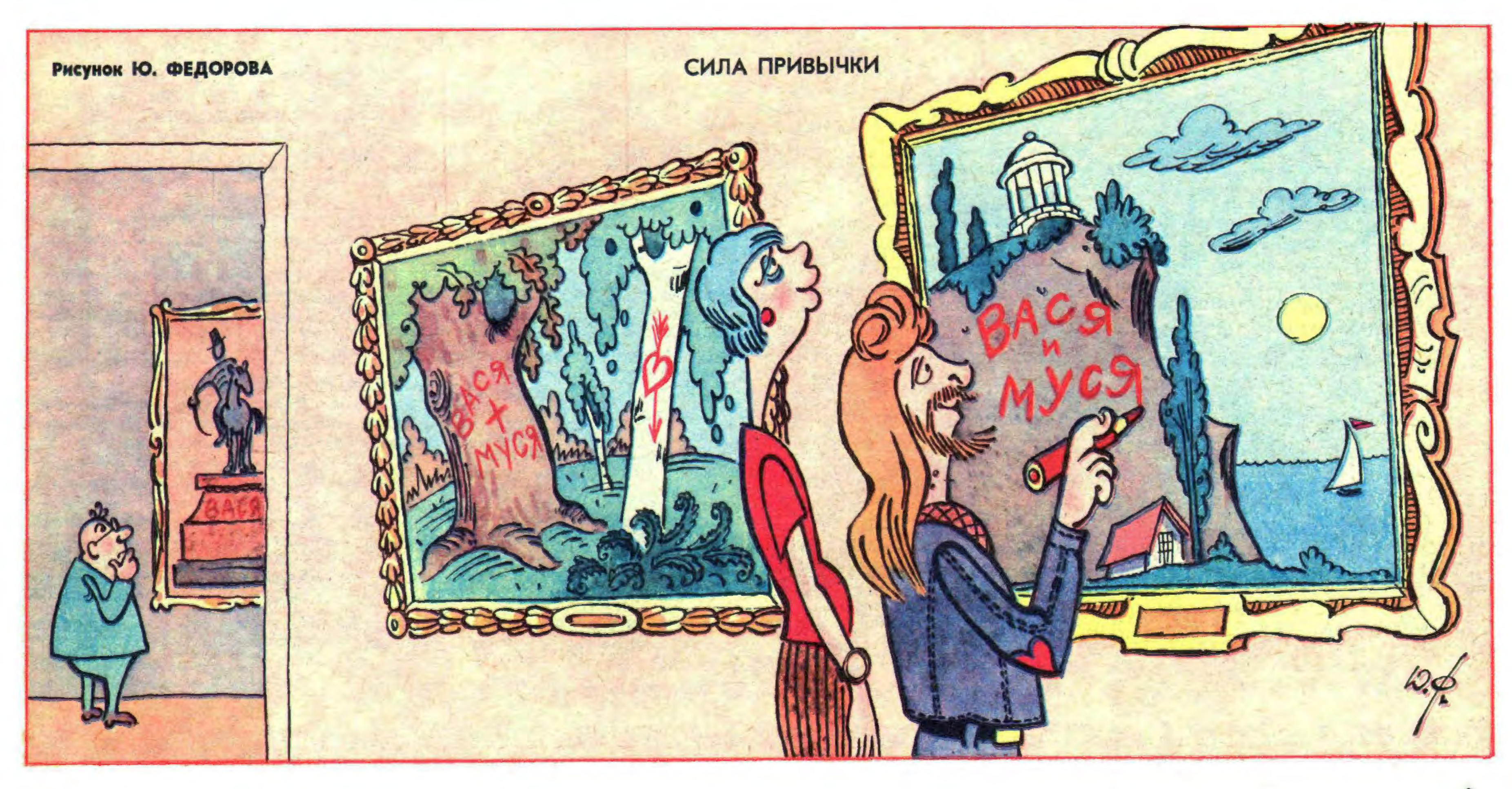
БУРЧАЛОВ. Вы про что?

СУПЦОВ. Про вкладыши.

БУРЧАЛОВ. А на черта они мне?.. Из них шубу не сошьешь...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Телефонограмма

0 часов 59 минут.

Только что на углу Малого Сугубого переулка и Конспиративной улицы рухнул дом. Рассыпался в прах!... Как это—нет жертв? А я? Я же проснулся от грохота. Теперь до утра промаюсь, а утром на службу. Да не трогал я его! Ложился спать — он стоял, а сейчас — куча строймусора... Фамилия не имеет значения. Запишите, что звонила жертва!

Справка метеостанции

ЗА МИНУВШИЕ СУТКИ НАД ТЕРРИТОРИЕЙ УКАЗАННОГО РАЙОНА НЕ НАБЛЮДАЛОСЬ ЦИКЛОНОВ И АНТИЦИКЛОНОВ, А ТАКЖЕ МУССОНОВ, ПАССАТОВ, ВИХРЕЙ, СМЕРЧЕЙ, УРАГАНОВ, САМУМОВ, СИРОККО, ТОРНАДО И БАРГУЗИНОВ.

ВОПРОС. *Вам, конечно, известно, уважаемый Крокодил, как метко говорит население: ломать не строить и обратно этому — строить не ломать! Как же вы взялись за стройку, не имея в таких делах практического опыта?*

ОТВЕТ. *Я и в самом деле цементный раствор только по вкусу могу отличить от манной каши. Но в моем распоряжении есть целый отряд специальных корреспондентов. Они порядочно помотались по белу свету, навидались всякого и имеют компетентные суждения по самым разным вопросам: от засола сельдей до балета на льду. Я знал, что среди них наверняка найдутся такие, кто сведущ в проблемах строительства. Они охотно поделятся тем опытом, который почерпнули на известных им стройках.*

ВОПРОС. *Вы, разумеется, начали с того, что пригласили талантливого архитектора, чтобы он сделал вам оригинальный проект?*

ОТВЕТ. *Архитектора? Нет, чего не было, того не было.*

ВОПРОС. *Как же это — без зодчего? Вы все-таки не однодневный лесной шалаш собирались сооружать, а дом на десятки лет. Неужели не опасались ужаснуть потомков да и современников какой-нибудь унылой бетонной коробкой?*

ОТВЕТ. *Честно говоря, сомнения были. Не хочу валить вину на других, но прошу ознакомиться со следующим документом...*

К делу приобщается документ, точная копия которого приводится далее.

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ, специальные корреспонденты Крокодила

В ту пору, когда мороз нахально рисует на стеклах абстрактные композиции в духе Фрэнсиса Пикабия, дипломники архитектурного института выходят на финишную прямую. Больше двух сотен ярких творческих индивидуальностей грезят дерзостью своих замыслов переплюнуть старика Корбюзье, утереть нос Райту, заткнуть за пояс Л. А., А. А. и В. А. Весниных, вместе взятых...

Спустя положенное время плоды трудовых дней и бессонных ночей — дипломные проекты в роскошной «подаче», то есть в великолепном живописном исполнении,— выставляются перед очами государственной экзаменационной комиссии. Комиссия не в силах сдержать слезы умиления, густые, как мазут, ибо все в плодах, от чарующих фасадов до самой ничтожной рукояточки в совмещенном санузле, изобличает недюжинные таланты выпускников.

Спустя еще время эти роскошные проекты космических центров, комплексов автосервиса, горных кемпингов, детсадов, крытых рынков и многоквартирных домов, попылившись для порядка на институтской выставке, отправляются на склад. В этих домах никто и никогда не будет жить, на этих рынках не завяжется бойкая торговля, к этим комплексам никогда не подкатит ни одно авто на предмет означенного сервиса.

Происходит это из года в год с неизбежностью и четкостью океанических приливов. Ряды архитекторов ширятся и одновременно плотнеют. Проектные институты раскрывают горячие объятия навстречу молодым дарованиям. Тут бы и восстать домам — один краше другого!..

Так нет же. Ничего такого сногсшибательного не наблюдается окрест. Ведь не случайно же с таким успехом шла во многих театрах комедия о том, как некий субъект в состоянии алкогольного помрачения был перевезен из одного города в другой, не заметил подвоха и прижился на новом месте как ни в чем не бывало. Немалую роль в этом анекдоте сыграла удручающая похожесть районов и домов-новостроек.

Конечно, зрителя влек в зал не только затасканный сюжетец. Он ведь и сам не раз, простодушно поддавшись на зазывы друзей, тоскливо плутал в новом микрорайоне среди неотличимых друг от друга домов.

На чью голову изливает запасы своей желчной иронии человек, опаздывающий к накрытому столу, где, быть может, давно уже млеют нежные иваси и туманится охлажденный графинчик? Безусловно, на голову архитектора. Ведь ему ясно, что строили так, как задумал зодчий.

Меж тем сами зодчие никаких поводов для этих тяжких подозрений, как правило, не дают. Они не хуже других понимают: нам нужно продолжать строить неслыханными в истории темпами и масштабами. Только у зодчих есть еще странная причуда: плюс к этому они хотят строить удобно и красиво. Вот тут-то и начинается...

Вообразите, что неким архитектором в некоем проектном институте создан некий недурной, а возможно, очень даже талантливый проект.

— Ах, ах!..— восклицает заказчик и восторженно сучит ножками, точно малое дитя.— Это именно то, что нам мечталось-виделось! Скорее постройте нам эту прелесть!

Окрыленный зодчий представляет свое творение на рассмотрение совета проектного института.

— Что ж, красиво, смело, умно! И образ есть! — согласно кивают головами умудренные опытом коллеги-архитекторы.— Но, конечно, фантазию нужно умерить. Вы же все-таки не Брунеллески, простите. Все-таки не Палаццо Питти проектируете... К чему эти круги, арки? Промышленность таких деталей вам не даст. Строители не смонтируют. Наконец, АПУ не утвердит. Поработайте еще, голубчик, в плане упрощения замысла.

Помрачневший зодчий выпрямляет все кривые линии на своих чертежах, ликвидирует кованые решетки, вместо элегантных козырьков над входами решает положить простые бетонные плиты. В этом виде проекту дают «добро».

В управлении пожарной охраны замечания прямые и точные, как струи из брандспойтов:

— Выдвижные лестницы наших машин, дорогой архитектор, достают до пятого этажа, будет тебе известно. А ты вон какую верзилу замыслил! Ну, а случись пожар на шестнадцатом этаже? Как его ликвидировать будем? Как выносить мебель, угоревших и малолетних? Придется тебе с пятого этажа до шестнадцатого по фасаду наружные незадымляемые переходы кинуть.

— Где ж я эти лесенки кину?—теряя почву под ногами, кипятится зодчий.

— А вот с балкончика на балкончик или с лоджии на лоджию нарисуй. Полный порядок будет.

— Да у меня и так полный! — стонет архитектор.— Все сделано по Строительным нормам и правилам!

— СНИП СНИПом, а вот в одном районе недавно шаровая молния в форточку влетела. Мы все предусмотреть обязаны. Даже то, что теоретически раз в тыщу лет стрястись не может. А это у тебя что?

— Декоративная стенка. Она каменная, не горит,— торопливо поясняет зодчий.

— Все горит! — мечтательно заключает пожарник, и в глазах его трепещет далекий отсвет пожара деревянной Москвы в начале прошлого века.— Огнетушитель и тот самовозгореться может. При определенных условиях. Иди, дорогой архитектор, дорабатывай. Дерзай!

Врачи санэпидстанции, в свою очередь, решительно протестуют против лестниц, перекинутых слабодушным зодчим с балкона на балкон. Но протестуют, конечно, не по соображениям высокой эстетики. Лестницы эти загораживают окна. Вообще же корректировку проекта врачи ведут бережно, но жестко до такой степени, будто серчают, что имеют дело с нормальным зданием, а не с санпропускником.

Зодчий скрепя сердце еще и еще подрезает крылья своей мечте и идет согласовывать свое детище с промышленностью. Казалось бы, чего тут хитрого? Ведь архитектор строго придерживался утвержденного каталога железобетонных изделий, выпускаемых ДСК — домостроительным комбинатом. Но тут выясняется, что за последний пяток лет каталог этот исхудал, как безнадежный дистрофик. ДСК взяли решительный курс на сокращение ассортимента. Их девиз — попроще и покубатуристее, поскольку план дает именно кубатура. И разнообразить фактуру, цвет, облицовку панелей им нет никакого резона. О выпуске же какого-нибудь нового изделия, кажется, и речи не может быть. И растерянный зодчий словно впадает в детство, словно опять сидит на полу с коробкой дареного «Конструктора», из деталей которого, как ни хитри, не сварганишь того, что хочется.

Однако всем согласованиям рано или поздно приходит конец. Достигает зодчий и грабительского компромисса с промышленностью. Теперь слово за представителями древнейшей профессии — строителями. И они произносят его.

— Нету, нету,— говорят представители древнейшей профессии.— Такую штуковину за два рубля вам никто монтировать не будет.

— Помилуйте! — с ужасом вскрикивает зодчий.— Но ведь существует ценник. Там ясно написано: два рубля.

— Ценник ценником, а практика показала другое,— сухо говорят строители.— Меньше чем по пятерке не рассчитывайте. Мокрые процессы сократите. Не современно это. И кирпича многовато. Вот зачем здесь у вас кирпич?

— Чтобы красиво было...— стыдливо мямлит зодчий.

— Красиво!..— иронизируют строители.— А по-нашему, красиво—когда быстро, просто и дешево. Людям жилье нужно, а не ваша красота. Если мы заместо этих кирпичей вам простую панельку положим — что, некрасиво будет?

— Ладно, валяйте панельку,— машет рукой подавленный зодчий.— И еще там у меня крылечко нарисовано. Его тоже не надо. Бог с ним, с крылечком! Бог с ней, с красотой! Оставим все только сборное и квадратное, как вы любите!..

И вот обезображенный проект, по которому кто только мог прошелся и грубым резцом упрощений и тонкой шкуркой доработок, отвозится на окончательное утверждение в архитектурно-планировочное управление — АПУ.

— Ну что же вы, милейший, так бездумно подошли к делу? — разводят руками седовласые мэтры, маститые архитекторы.— Конечно, все грамотно, но ведь образа здания нет. Нет образа!..

Вот, пожалуй, и вся эпопея с неким талантливым проектом, созданным неким зодчим в некоем проектном институте.

Архитектуру называют застывшей музыкой. Перефразировав это крылатое выражение, мы придем к выводу, что музыка — это пришедшая в движение архитектура. И если бы это было действительно так, еще неизвестно, имели бы мы сейчас Пахмутовых, Хренниковых и Родионов Щедриных. А может, только унылые гаммы?..

Нарочно не придумаешь

«ОБЪЯВЛЕНИЕ

2 ОКТЯБРЯ В 16 ЧАСОВ В КРАСНОМ УГОЛКЕ СОСТОИТСЯ ОТЧЕТНО-ПЕРЕВЫБОРНОЕ СОБРАНИЕ ЗЕМЛЕРОЙНЫХ МЕХАНИЗМОВ».

Прислал А. Лебедев, г. Ижевск.

— Ох, уж это типовое строительство! Опять я свою пирамиду не могу отыскать!..

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

...с небольшой помаркой.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«ТОВАРИЩИ СТРОИТЕЛИ! НАШ ДОЛГ СТРОИТЬ ДОБРОСОВЕСТНО, ПРОЧНО, БЕЗ ЛИЧНЫХ ЗАТРАТ МАТЕРИАЛА И СРЕДСТВ».

(Плакат в стройуправлении).
Прислал М. Аманов, г. Ашхабад.

«ТОМСКИЙ ДОРОЖНЫЙ РЕМОНТНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ТРЕСТ ЗАКЛЮЧАЕТ ДОГОВОРЫ С ПРОМЫШЛЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ НА ГРАВИРОВАНИЕ УЛИЦ».

Газета «Красное знамя», г. Томск.

ИЗ ТОГО ЖЕ ПРОТОКОЛА:

ВОПРОС. В вашем деле, уважаемый Крокодил, фигурирует довольно любопытный документ, наглядно демонстрирующий, какими темпами велось ваше строительство.

Докладная записка коменданту стройки

Прошу выдать мне, как ночному сторожу, второй тулуп (типа дубленки), берданку нового образца и пачку соли «Экстра» для зарядов, поскольку за время охраны вверенного мне котлована первое прохудилось, второе съела ржа, а третье я сам употребил в пищу.

Довожу до сведения, что вверенный котлован пора заполнять фундаментом, а то лебеда сильно растет. К тому же кое-какие поступившие в строго продуманном беспорядке стройматериалы складированы кучками. А промеж кучек шныряют пацаны и частники, приглядывая, чего бы уволочь на личные нужды. А я всего не объемлю, поскольку и года мои немолодые и подагрой страдаю.

Прошу не отказать в моей просьбе.

Что вы можете сказать в свое оправдание?

ОТВЕТ. Конечно, некоторое, так сказать, отставание было налицо. Но опять же спецкоры успокоили, растолковали, что подобные темпы строительства совсем не редкость. И не на каком-то там отдельном объекте, а даже в масштабе целого города.

ВОПРОС. Это слова. А факты?

ОТВЕТ. Пожалуйста!..

Устин МАЛАПАГИН, специальный корреспондент Крокодила

ЛЯГУШАЧЬЯ ПЕРСПЕКТИВА

Ты сетовал, дорогой Крокодил, что о твоих собратьях сказано и написано много несправедливого. И нрав-то у вас, мол, зверский, и питаетесь-то вы калошами, и ваша скупая крокодильская слеза насквозь фальшивая. На самом же деле — и я давно это заметил — вы, крокодилы, от природы чрезвычайно деликатны, тактичны и даже сентиментальны. Вы, как никто, цените родственные отношения. За последнего четвероюродного головастика вы готовы кинуться в огонь и дистиллированную воду.

Поэтому мне понятно, какое впечатление произвело на тебя письмо из Ростова-на-Дону от твоей дальней родственницы — лягушки. «Приезжай к нам, дорогой Крокодил, — писала она, — а то мы находимся на грани катастрофы: удобные, давно обжитые нами места стараниями городских властей и строителей Главсевкавстроя в самое ближайшее время будут уничтожены. Об этом неоднократно писали в газетах «Молот» и «Вечерний Ростов». Последняя надежда — на тебя».

По просьбе Крокодила я в тот же день поездом «Тихий Дон» отбыл в Ростов-на-Дону.

Я сошел с поезда деловитый и спокойный, как портфель из крокодиловой кожи. Уже первый взгляд на город подтвердил мои самые худшие опасения. Слишком он был чистым, сухим и ухоженным. Глазу не на чем было остановиться: ни кочки, ни болотца — сплошной асфальт и благоустройство. В довершение всего я узнал, что Ростов за всю эту сушь получил переходящее Знамя Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР.

И вдруг я увидел в центре города, на Ворошиловском проспекте, роскошный раскисший котлован, наполненный жидкой грязью и водой. Он, как мираж, маячил среди застройки. Плакат на заборе гласил:

Жилдом «Сигнал»
Строительство ведет Управление
«Высотстрой» Главсевкавстроя
Начальник Управления
Ковалев В. Т.
Прораб Неговора И. И.

Чуть дальше по проспекту я увидел второй, а за ним и третий котлованы, один другого лучше, и всюду было написано, что они принадлежат «Высотстрою». Это были идеальные микрорайоны для земноводных.

Думаю, что если бы на моем месте оказался ты, дорогой Крокодил, то сразу влез бы по уши в котлован «Медик» (так назывался второй кооператив) и дожидался бы в холодке появления прораба Неговоры, чтобы поговорить с ним как крокодил с человеком... Я же, не дождавшись прораба, отправился к главному инженеру «Высотстроя» Главсевкавстроя Минтяжстроя СССР тов. Ладыгину. Он искренне удивился:

— Какие котлованы? По Ворошиловскому? А вы не путаете?.. А, вспомнил! Так это же просто три семнадцатиэтажных кооперативных жилых дома, которые строят товарищи Ковалев и Неговора. Я думаю, что крокодильи родственники могут спать спокойно: если финансирование, а стало быть, и строительство будут продолжаться теми же темпами, то котлованы благополучно переживут не один финансовый год. Во всяком случае, о сдаче домов в текущем году не может быть и речи. А вообще-то к чему такая спешка? В свое время построим. Вон пансионат «Тихий Дон» десятый год строим, и все на третьем этаже.

— То есть как десятый? — изумился я.

— А так. То денег нет, а в стройплан включили, то деньги есть, а из плана вычеркнули. Да вы сами можете убедиться. Идите к Дону, увидите каркас, тут вам и пансионат.

Вскоре я действительно увидел каркас и четырех рабочих, перебирающих ржавые сетки.

— Привет, друзья! Как движется строительство пансионата?

— Ошибаешься, дядя. Это цирк, а не пансионат.

— Вас не понял.

— А чего тут понимать? Разве это не цирк, когда на главной площади города, на виду у почтеннейшей публики который год ведется строительство административного здания. Не менее трех раз объявляли через печать и всяко, что УНР-113 треста № 7 Главсевкавстроя сдаст здание в текущем году. А в нынешнем текущем году, как видите, один каркас и есть.

— Скажите, а когда начался этот ци... это строительство?

— Когда оно началось, может знать разве что наш дед. Все остальные — люди новые.

«Дедом» оказался пожилой и очень хмурый человек.

— А кто его знает, когда начали, — ответил он, не отрываясь от дела. — Кажись, в шестьдесят восьмом. Да чего ты хочешь, если нас всего четверо аж на два десятка этажей? Нешто так построишь?

В поисках «Тихого Дона» я обошел весь город. Каркасов было много и все недостроенные: речной вокзал, автовокзал южного направления с гостиницей, гостиница «Турист»... Каждый из этих каркасов побывал в «сдающихся в текущем году», в обязательствах, в газетном анонсе.

Вот, например, в котловане под кинотеатр «Плевен» на Плевенской площади, начатый в мае 1972 года, совершенно напрасно выложили кирпичные стены. Твои родичи, дорогой Крокодил, свободно могли обойтись и без них. И без крана, который стоит на площадке без движения. Разве что с него будут прыгать, как с вышки, отдельные смельчаки-лягушата.

Что касается УНР-112, строящего (точнее, не строящего) здание кинотеатра, то, как мне рассказали, начальник треста № 10 Главсевкавстроя тов. Станиславов недавно бил себя в грудь и обещал во что бы то ни стало ввести этот кинотеатр в текущем (!) году. Грудь товарища Станиславова еще гудит от мощных ударов, но, поскольку кинотеатр не включен в план сдачи объектов этого года, вибрация ее, надо думать, постепенно угаснет и новый грудной набат придется затевать в новом текущем году.

Так шаг за шагом перед моим взором раскрывалась картина весьма благоприятных перспектив по части жилья для ростовских земноводных, и я совершенно успокоился. Каркасы, котлованы и пустыри стояли годами, окруженные заборами, а вместо того, чтобы докончить уже начатое, начиналось новое. Великолепным заповедником ростовских родичей Крокодила обещали стать котлованы горбольницы западного жилмассива, библиотеки имени К. Маркса, музыкального театра...

Словом, мне надоело искать этот злополучный «Тихий Дон»: и без него все было ясно.

Завершая свой визит, я пригласил на развалины «плевенского» фундамента лягушачьих представителей и сказал:

— Земноводные! Живите, плодитесь, размножайтесь! Пусть ваши головастики спокойно резвятся там, где когда-нибудь, может быть, будет библиотека. Пусть лягухи-молодухи беспечно мечут икру между сваями фундамента кооперативных домов. Пусть не смущают слабонервных земноводных «последние сроки» и «текущие года». До тех пор, пока городские планирующие организации и заинтересованные министерства будут распылять средства, а Главсевква... ква... то есть кавстрой — рассеивать силы, вам ничего не грозит.

Мои заключительные слова потонули в одобрительном кваканье.

В тот же вечер с добрыми вестями я поспешил обратно к тебе, дорогой Крокодил. Последнее, что я увидел, взлетев над этим симпатичным городом, был каркас строящегося здания аэропорта.

г. Ростов-на-Дону.

«БОЛЕЕ МЕСЯЦА НАЗАД МЫ НАПОМИНАЛИ О ТОМ, ЧТО НУЖНО ПРОДЛИТЬ ФУНДАМЕНТ НАЧАЛЬНИКУ УЧАСТКА № 1 СТРОЙУПРАВЛЕНИЯ В. Ф. ФОМИНУ, НО БЕЗРЕЗУЛЬТАТНО».

Газета «Ленинский путь», Ясногорский район, Тульской области.

ИЗ ТОГО ЖЕ ПРОТОКОЛА:

ВОПРОС. Что ж, уважаемый Крокодил, принципы, которыми вы руководствовались, приступая к строительству, и темпы, которыми оно велось, достаточно ясны. Теперь хотелось бы узнать о методах...

ОТВЕТ. С этим делом у нас было все в порядке! И методы были самые что ни на есть передовые! Вот полюбуйтесь...

МОЛНИЯ! МОЛНИЯ!! МОЛНИЯ!!!
ДАЕШЬ!..
ВОЗЬМЕМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА!!
ВКЛЮЧИМСЯ!!!
РАЗВЕРНЕМ!!!!
ОХВАТИМ!!!!!

ВОПРОС. Ну и что же из всего этого вышло?

ОТВЕТ. Активно включились, широко развернули, всенародно обязались, поголовно охватили! Всё как у людей.

ВОПРОС. Ну, а дальше?

ОТВЕТ. А этого разве мало? Мне отлично известны некоторые стройки, на которых этим и ограничились. Да вот хотя бы. Чем не пример для подражания?..

Юрий БОРИН, специальный корреспондент Крокодила

Пешком на небеса

Как известно, новаторами обычно выступают производственники, а в роли консерваторов подвизаются всякого рода администраторы, которые ужас как любят вставлять палки в колеса технического прогресса.

И вот вопреки всем канонам в городе Новгороде против технического прогресса выступила бригада каменщиков, руководимая Г. Васильевой.

Когда руководители СУ-226 предложили Галине Михайловне Васильевой и ее товарищам включиться в соревнование по методу Н. В. Злобина, те отнеслись к этому индифферентно и сказали:

— Да нет, знаете ли. Мы уж как-нибудь так.

Это было странно, если не сказать больше.

Всем известно, что метод бригадного подряда, предложенный Героем Социалистического Труда Н. В. Злобиным, ведет к сокращению сроков и удешевлению строительства. По этому методу каменщики, плотники, отделочники подряжаются соорудить дом от первого кирпича до последнего дверного замочка, а прорабы, инженеры, начальники управлений и треста — обеспечить их всеми материалами и механизмами. За выполнение условий договора члены бригады получают внушительную премию. Одним словом, и дело движется вперед успешно и людям хорошо.

И вот такой конфуз с Васильевой.

А почему, собственно говоря? Может, бригада вообще не доросла до злобинского метода?

Проверили. Изучили. Вроде ничего такого. Бригада — одна из лучших в управлении.

Тогда откуда это непонятное «нет»?

А пока думали-гадали насчет Васильевой, пришло сообщение из бригады Антонова: мы тут включились в соревнование по злобинскому методу, так вот просим данный договор расторгнуть.

А потом сошла с дистанции бригада Рыченкова.

За Рыченковым пасует Осипов.

За Осиповым с беговой дорожки сходит Миллер...

Управляющий трестом тов. Андреев Е. В. призывает развернуть соревнование по методу Злобина, а рядовые строители не разворачивают. Шутка ли: из тринадцати бригад, взявших обязательства, пять, не дойдя до финиша, сказали «пас».

И добро бы только в тресте «Новгородсельстрой». Так ведь похожая картина и в трестах, входящих в Новгородское территориальное управление строительства. Заключили договор двадцать две бригады, а потом восемь из них договор расторгли.

...К северу от Новгорода — гигантская стройка. Натужно ревут экскаваторы, ухают свайные бабы, грохочут молотки. И все это сливается в одну мощную симфонию созидательного труда. Здесь строят химкомбинат, который будет обеспечивать минеральными удобрениями всю нечерноземную полосу России.

В симфонии особенно слышна партия первой скрипки, которую ведет бригада бетонщиков Александра Тарасова. Ребята работают на совесть. Они умеют все: и класть бетон, и плотничать, и вязать арматуру, и вести электросварку...

— Хороши бы мы были, если бы не умели все это делать,— посвящает меня в тайны строительной механики Александр Николаевич.— Не подвезли бетон — вяжем арматуру. Не доставили арматуру — беремся за опалубку. Выручает совмещение профессий.

— Позвольте,— удивляюсь я,— но ведь вы заключили со строительным управлением договор бригадного подряда...

— Заключили.

— И в этом договоре сказано, что вы обязуетесь выполнить работу в сжатые сроки и с высоким качеством...

— Точно.

— А строительное управление обязуется обеспечить вас технической документацией, машинами и механизмами, строительными и прочими материалами, и притом бесперебойно...

— Верно.

— Так откуда же перебои?

Он долго смотрит на меня, решая, очевидно, что я за человек: наивный или хитрый?

— Скажите,— говорит Тарасов,— вы на каком этаже живете?

— На восьмом.

— А лифт как работает?

— Иногда не работает.

— И какую же вы скорость развиваете, взбираясь в таких случаях на восьмой этаж? То-то и оно. Я вот по заданию обкома партии проверил восемнадцать бригад, включившихся в соревнование по злобинскому методу. И что, как вы думаете, я обнаружил? Я установил, что во всех восемнадцати случаях договоры оформлены тютелька в тютельку — не подкопаешься. Пункты четкие, подписи разборчивые, печати на месте. А фронта работ нету. То стройматериалы не подвезли, то башенный кран из строя вышел, то автотранспорт на приколе. Выходит, пешком бригады на свои этажи топают. И в прямом и в переносном смысле...

Вот после этого разговора я вернулся в бригаду Галины Васильевой. И узнал, что еще в прошлом году бригада Васильевой заключила договор на соревнование по злобинскому методу. Все было торжественно, все было, как говорят артисты и кинорежиссеры, волнительно.

Каменщиц поздравляли с предстоящей премией и же-

Окончание на стр. 8

СМУ

Решили построить один дом,

СМУ

а вырос целый поселок!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Пешком на небеса

со стр. 7

лали быстрейшего подъема на этажи прогресса.

Члены бригады рдели и обещали постараться.

Но кончился праздник, начались будни. И тут выяснилось, что нет железобетонных плит для междуэтажных перекрытий. То есть вообще-то плиты есть, но не такие. Каждую плиту надо было рубить на три части, одну из которых выбрасывать. В шахматах это называется — утрата темпа при потере качества. А вслед за этим вышел из строя башенный кран...

Однако не будем сгущать краски. Разведем их до нормального колера и оттеним успехи. В частности, успех бригады Леонида Морозова, которая опередила график на 72 дня.

Что такое 72 дня? Это десятки тысяч рублей в копилку государства. Это счастливые лица новоселов. Это добрая премия строителям.

О доброй премии я узнал из отчета СУ-226, а на счастливые лица новоселов решил посмотреть в натуре.

Но что это? Где новоселы, ау?!

Нету новоселов. И нету, стало быть, счастливых лиц. А есть забор, за которым стройка-недостройка.

Так, может, липа все это? Может, никакой победы не было?

Была победа, в том-то и дело. Морозовцы действительно работали по-злобински и уложились в обусловленные сроки. И, естественно, получили свою премию.

Но вслед за каменщиками должны были прийти отделочники, а их перебросили на другой объект.

Стройка замерла... Спрашивается: для чего спешили каменщики из бригады Леонида Морозова?

В слове «соревнование» есть многозначительная приставка «со». Отсюда понятен смысл слова: совместная ревность в работе. Каждый, кто подписывает договор, должен быть равно ревностным к делу, которому служит. Увы, в строительных организациях Новгорода этого не наблюдается.

Конечно, в наше время опасно прослыть консерватором. По головке не погладят. Руководители стройтрестов дают своим коллективам ценное указание:

— В каждом строительном управлении должно быть не меньше четырех бригад, работающих по злобинскому методу!

И, конечно, будет по четыре. И будет рапорт: включились, развернули, охватили.

Правда, несколько позднее выяснится, что трест и его управления не обеспечили работу соревнующихся бригад. Что краны и прочие механизмы работают отвратительно и ремонт их не налажен. Что доставка стройматериалов организована из рук вон плохо. Что на стройплощадках не хватает обыкновенного песка, хотя речники, расчищающие фарватер Волхова, могли бы дать песка сколько угодно. Что лицевой кирпич, который делают на Новгородском комбинате строительных материалов, как бы это помягче выразиться... слишком мягкий, что ли.

Однако все это выяснится потом, после рапортов об охвате. И будет проходить по графе «Отдельные недостатки».

г. Новгород.

ИЗ ТОГО ЖЕ ПРОТОКОЛА:

ВОПРОС. Полагаю, уважаемый Крокодил, что опыт, заимствованный вами на вышеупомянутых стройках, очень усложнил сдачу объекта?

ОТВЕТ. Вы не правы. В строительной практике существует много способов сдачи, казалось бы, совершенно негодных домов. Например, давление на приемочную комиссию могучим авторитетным прессом городских властей. Или случалось, скажем, что расторопные строители успевали отвинчивать дверные ручки с уже обследованного первого этажа и присобачивать их на двери второго, пока комиссия шествовала по лестнице. Бывает, что отдельные зазевавшиеся члены комиссии просто выбывают из строя, ушибленные отпавшей штукатуркой или вывихнув ногу на неровностях паркета. Но это, как правило, не портит общей мажорной картины.

Хотите верьте, хотите нет, но можно, оказывается, выйти из положения даже в том случае, когда сдавать практически нечего. Впрочем, судите сами...

В. ПОДКОВА,
специальный корреспондент Крокодила

Как сломили Редькина

В город Красноуфимск, Свердловской области, прилетела радостная весть: городское строительное управление № 3 треста «Свердловскоблстрой» в четвертом квартале 1974 года завоевало вторую премию по Министерству жилищно-гражданского строительства РСФСР.

— Премия далась в руки нелегко,— сообщил в откровенной беседе начальник СУ-3 Б. Ф. Ткачев.— Множество душевных сил и телесного здоровья, например, ушло на то, чтобы сдать государственной комиссии последний объект — баню мощностью в сто одну шайку. Долго и отчаянно сопротивлялся председатель комиссии главный архитектор города, колеблющийся маловер Редькин. Больше всего Редькин придирался к тому, что баня была недостроена. И только объединенными усилиями председателя горисполкома Микова и представителя Свердловского облисполкома, члена комиссии Ищенко, Редькин был сломлен.

Ткачев говорил проникновенно, в его словах крылось большое волнение, переходящее местами в дрожание голоса. Потому как сломить Л. Г. Редькина было в самом деле непросто, несмотря на содействие товарищей Ищенко и Микова.

— Слабо ты уважаешь начальство! — говорил председатель горисполкома Б. А. Миков.— Баня нам во как нужна! Давай подписывай акт — и все тут.

— Да как же я его подпишу, если она недостроена? — ерепенился Редькин.

— Это почему же недостроена? — наступал Миков. — Стены есть, крыша тоже. Чего тебе еще надобно?

— Ну и что с того, что стены да крыша! Мыться-то в ней все равно нельзя!

— То есть как это нельзя? Почему же?

— Воды нет горячей...

— Воды... С таким подходом ты все на свете очернишь.

— ...И чего ты все придумываешь, Редькин,— укоризненно говорила Р. С. Ищенко.

— Да ничего я не придумываю, — отбивался Редькин.— Вот построим для бани котельную, пустим горячую воду, тогда и акт подпишем.

— Котельную?! — изумлялась Ищенко. — Этак вы еще год без бани будете...

Приятно сейчас узнавать, как большое и малое начальство, ломая сопротивление Редькина, плечом к плечу шло к премии. Сколько передумано, пережито, а главное, сколько сделано! И вот уже она, всероссийского масштаба премия в две с лишним тысячи рублей. С приятным, тихим шелестом перетекла из государственного кармана в застенчиво приоткрытые карманы победителей соревнования.

— Спасибо товарищам Ищенко и Микову,— интимно продолжал начальник Ткачев, — акт приемки все-таки был подписан в последний день декабря. А потом два с половиной месяца мы достраивали баню. Трудились, конечно, по-ударному: одной зарплаты было выплачено десять тысяч рублей! Правда, тут опять выскочили трудности: куда списать нынешние расходы на сданный в прошлом году объект?

И начальник Ткачев тепло упомянул своего главного бухгалтера Г. Д. Истомина, специалиста опытного, надежного, не единожды судимого за искажения отчетности. Проверенный человек Истомин, умудренный опытом. Такой не подведет.

Омрачить настроение сумел только рядовой красноуфимский житель. В середине марта, плохо информированный, он, помахивая веником, густой толпой пошел к новой бане, легкомысленно огибая старую — грязную, но надежную. Пошевелив громадный новый замок, наивный житель начал растерянно оглядываться в поисках какой-нибудь информации.

— Я все скажу! — прокомментировал это событие сломленный уже Редькин. — Только не глядите на меня так строго! Тогда скажу я вам, что горячей воды в бане не будет, взяться ей неоткуда. Наша котельная дает горячую воду на выросшие кругом новые дома. Попозже дома, может быть, отключим, а баню, может быть, подключим. А потом, может быть, сядем и будем думать: что делать осенью? Так сказало начальство.

Что ж, остается поздравить победителей, пожелать новых успехов и сообщить приятное: в этом году Министерство жилищно-гражданского строительства РСФСР опять будет давать премии. И теперь, когда Редькин сломлен, нужно прицеливаться не на вторую, а на первую.

г. Красноуфимск,
Свердловской области.

ИЗ ТОГО ЖЕ ПРОТОКОЛА:

ВОПРОС. Ну, с баней все понятно. Но неужели же никогда не возникало мысли о тех, кому придется жить в доме, который уже в день сдачи требует капитального ремонта?

ОТВЕТ. Мысль возникала. Но строители свято верят в талантливость наших людей, в их разнообразные способности. Ученый, например, может оказаться неплохим маляром, домохозяйка — прирожденным сантехником, а токарь — мастером дизайна. Казалось бы, проза жизни, а говорить о ней хочется стихами...

Андрей ВНУКОВ

Доделай сам!

Влетел на крыльях в новую квартиру!
Влетел и вижу — трудно описать,
Отбросил прозу, взял, волнуясь, лиру,
Хочу квартире должное воздать...
Я сунул ключ, и в дверь насквозь пролез он,
А я от неожиданности взмок:
В том самом месте, где когда-то врезан,
Был кем-то с мясом вырезан......
Вот взять бы тут и дать за это взбучку,
Но за кого же взяться мне теперь?
Решил я взяться за дверную.....,
Но сразу вместе с ней отпала......
Стою в прихожей, словно пляжник летом,
Прекрасно виден с каждой стороны,
Поскольку между спальней, туалетом,
Столовой и соседом нет......
Едва ступил я на пол, как доступен
Мне стал его мелодии секрет:
Со скрипом, с визгом, с посвистом, со стуком
Терял кривые клавиши......
А прямо за балконной дверью в небо
Торчали ребра балок с двух сторон,—
На них держаться должен был, но не был
Строителями выстроен.......
И как бы в довершенье этой драмы,
Едва успел окно я распахнуть —
Из рук моих вспорхнули обе....
И я их проводил в последний путь.
Мой дом с какой-то дерзостью лихою
Спешили сдать, сработав вполруки,
И сбыли с рук с оценкою... *хорошей* —
И разуму и рифме вопреки!

Приняв каркас квартиры за основу,
Я принялся за дело в тот же час
И, как в строку пропущенное слово,
Вставлять детали стал в пустой каркас.
Презрев затраты, протори, потери,
Я сам наладил в комнатах замки,
Дверные ручки, рамы, стены, двери,
Паркет, балкон, проводку, потолки...

Но где-то мой почин в закон возводят:
Строители лишь о б щ и й в и д сдают,
Потом жильцы квартиры довозводят,
И дом своим трудом досоздают...
И ждут от нас халтурщики, похоже,
Что мы, освоив стиль «ДОДЕЛАЙ САМ!»,—
Полы за них в квартирах переложим,
Асфальт за них, где надо, доуложим,
В борщи за них невложенное вложим,
Костюмы им дострачивать поможем
И строчки к недостроченным стихам!

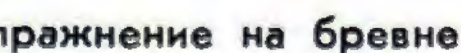
— Ну что ж, объект можно принять...

Рисунок М. БИТНОГО

СДАЧА НОРМ НА ЗВАНИЕ «НОВОСЕЛ»

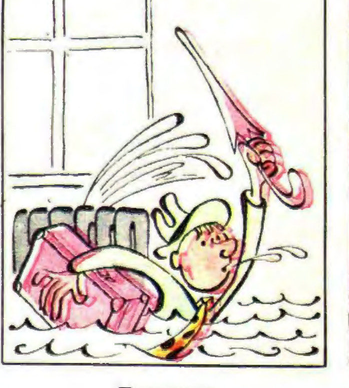
Упражнение на бревне

Альпинизм

Поднятие тяжестей

Плавание

Упражнение с молотом

Заслуженная награда

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

МИМОХОДОМ

Построил такую дачу, что хоть сразу являйся с повинной.

С. ПУГАЧЕВ

Архитектурные излишества: слишком много прямых углов.

Не дом, а сказка: любое слово слышно за тридевять квартир.

А. [illegible]ИГОВ

Дом новый, а фасад уже просит кирпича.

Б. [illegible]ЧИНСКИЙ

ИЗ ТОГО ЖЕ ПРОТОКОЛА:

ВОПРОС. Ну, уважаемый Крокодил, похоже, что ваше дело абсолютно ясное.

ОТВЕТ. Признаю, виноват... С излишней доверчивостью копировал чужой опыт...

ВОПРОС. Но вы хоть можете объяснить, почему на упомянутых вами стройках бытуют, мягко говоря, весьма далекие от совершенства темпы, методы и качество?

ОТВЕТ. А вот тут уж я ни при чем. И ответить на этот вопрос не могу. И НИКТО ВАМ НЕ ОТВЕТИТ, КРОМЕ, РАЗУМЕЕТСЯ, ТЕХ МИНИСТЕРСТВ И ВЕДОМСТВ, ЧЬЯ ОТНЮДЬ НЕ ПОХВАЛЬНАЯ РАБОТА ОТРАЗИЛАСЬ В МАТЕРИАЛАХ НАШЕГО «ДЕЛА».

ВОПРОС. Что ж, в таком случае подождем их разъяснений и объяснений?

ОТВЕТ. Буду ждать с нетерпением!

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Ясен АНТОВ (Болгария)

После полувекового молчания

Салазар и Каэтану владели Португалией пятьдесят лет. И ровно столько же — полвека — скромно помалкивали рыцари западной демократии. То есть они говорили — и даже надсаживались до синевы — о демократии в мировом или, по меньшей мере, в континентальном масштабе. Они подчеркивали, что демократия — это хлеб и соль человечества, его воздух и вода. Но почему-то Португалию в этом плане они не замечали. И, следовательно, обходили молчанием.

Пятьдесят лет молчания!

Пятьдесят лет — ни гу-гу о правах португальских крестьян и рабочих, рыбаков и учителей, студентов и солдат. Ни слова, ни вздоха об особом равенстве португальцев — на каждого человека была заведена специальная карточка служителями чудесной организации, которая называлась ПИДЕ. Эта политическая полиция старого режима, по мнению специалистов, была организована куда лучше, чем даже гестапо!

И вот 25 апреля 1974 года настал конец молчанию. События 25 апреля в Португалии вдохновили полвека молчавших специалистов по части демократии. Западные газеты, радиостанции, телекомпании, журналы, парламенты извергают гейзеры советов, напутствий, указаний, предложений, рекомендаций, рецептов и даже прямых инструкций португальцам.

И все это в защиту демократии. В защиту свободы португальского народа.

Трогательно до слез! У вас есть чистый носовой платок! Выньте. Пригодится.

«Не давайте прав рабочим! Не приступайте к национализации фабрик и банков! Не привлекайте к ответственности бывших полицейских и инквизиторов! Вяжите руки коммунистам! Дайте свободу печати, особенно той, которая призывает к контрреволюции! И тогда будет демократия».

Кричит о демократии Иозеф Лунц — кормчий НАТО.

Твердит о демократии Раймон Арон — французский теоретик антикоммунизма.

Предупреждающе грозит пальцем банкирская газета «Франкфуртер альгемайне».

А консервативная «Ди Вельт» делает открытие: что-то, мол, неладно в Португалии — изменилась там жизнь и по цвету и по идеологии.

Что же, в сущности, тревожит их всех! «Демократия в Португалии в опасности! Португальцы, оглянитесь, прислушайтесь, разберитесь, наконец, кто ваши друзья и доброжелатели! Потому что мы можем помочь вам не только словами, но и деньгами, даже оружием, а также опергруппами «командос», которые уже напрактиковались в Конго и Вьетнаме, Анголе и Мозамбике».

Все это говорится в защиту португальской демократии!

Отсутствия которой пятьдесят лет не замечали банкиры, парламентарии, советологи, милитаристы и прочие трубадуры западной демократии...

Перевел М. ГЕОРГИЕВ.

Дефицит городского бюджета Нью-Йорка достигает двух миллиардов долларов. В целях экономии отцы города решили уволить несколько тысяч мусорщиков, пожарных и полицейских.

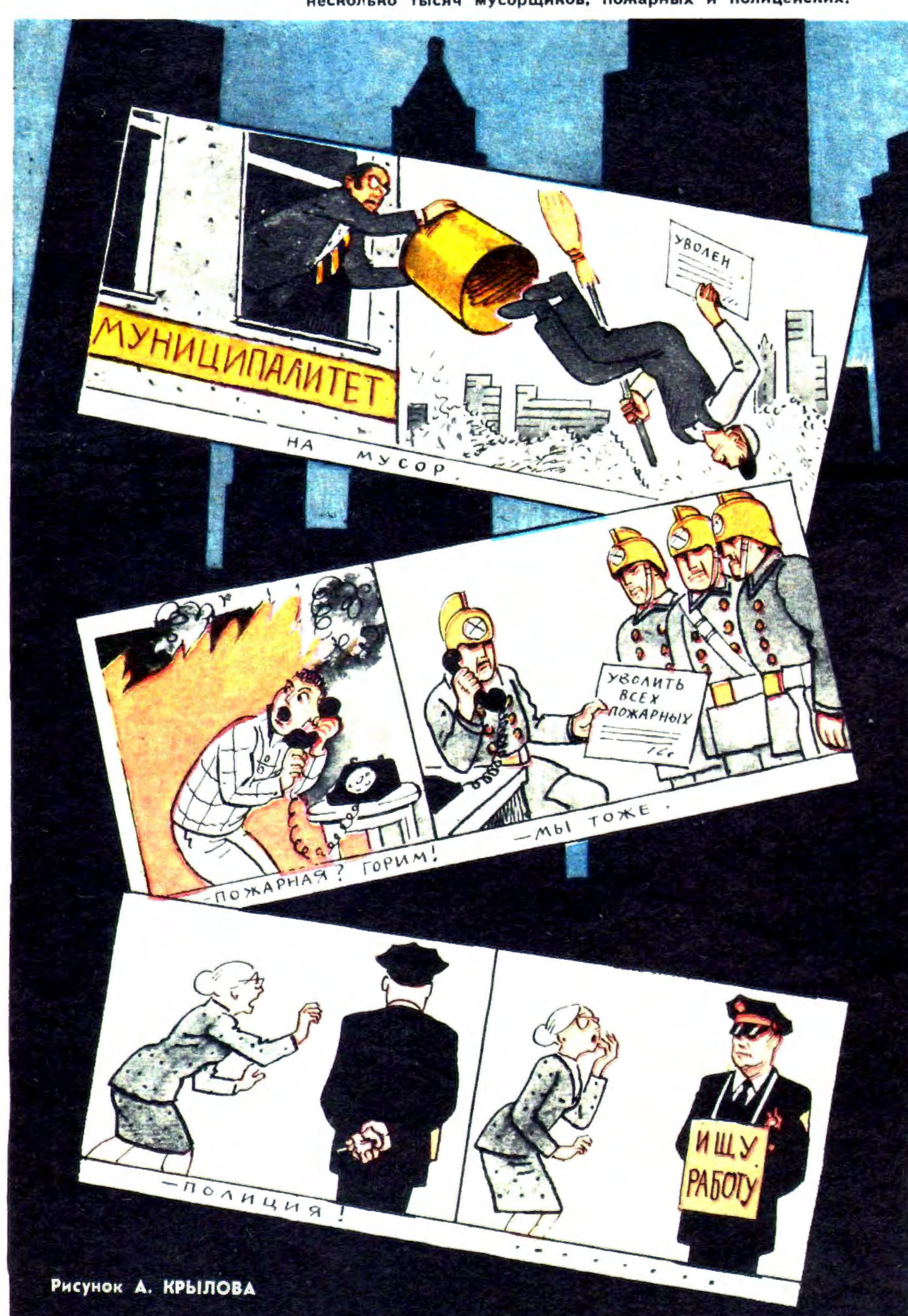

Рисунок А. КРЫЛОВА

Мэр согласен:
Пусть не убирают,
Пусть дома,
Как факелы, пылают,
Пусть растут
Преступниками дети —
Надо сэкономить
На бюджете!
Правда,
Выход есть иного рода:
Сократить
Военные расходы,
С монополий
Больше брать налога —
Хлынуло в казну бы
Денег много.
Выход есть...
Но на такие меры
Могут ли
Питать надежду мэры!!

Ник. ЭНТЕЛИС.

А. МЕЛИК-СИМОНЯН

ГЕНЕРАЛ БЕРЕТ СЛЕД

Когда над Виндхуком, столицей Намибии, заискрились мохнатые звезды, в доме полицейского комиссара Лоува набирала силу вечеринка с подачей коктейлей. Гости обменивались информацией, слухами, сплетнями, запивая и то, и другое, и третье бодрящими напитками. И хотя гости были вольны беседовать на любую тему, разговоры почему-то сводились к осточертевшей проблеме черных, которые с упрямством носорога требуют для Намибии независимости от ЮАР.

— Просто не понимаю,— щебетала хозяйка дома, — ну зачем им требовать независимость? Только время терять, право. Не для того же ЮАР четверть века назад прибрала к рукам Намибию, чтобы теперь дарить ее черным!

Один аспект «черной проблемы» привлекал особый, можно сказать, болезненный интерес гостей комиссара Лоува. Дело в том, что в последнее время большое число африканцев стало «нелегально» проживать в «белых» районах Намибии. В прошлом полиция вылавливала черных «дезертиров и бродяг» как нарушителей законов о пропусках. По этим законам ни один черный не имел права посетить «белые территории» без соответствующего письменного дозволения. Однако недавно власти ЮАР показухи ради объявили об упразднении пропусков на территории Намибии. («Ну, что вы теперь скажете, либералы и шумливые гуманисты из ООН?») Полиция, конечно, отлавливает просочившихся черных, но под разными другими предлогами.

— Да, тяжелая работа у нашего комиссара,— заметил кто-то.— Мало вытурить черного, еще изобретай для этого мотивировку.

— Не понимаю, что власти думают. Издали бы, например, закон о неумытости. Он открывает изумительные перспективы. Подумайте, какая прелесть — любого черного всегда можно обвинить в том, что он не домылся.

— Ничего, наш комиссар свое дело знает. Молодчага он у нас! Читали, что пишет «Стар»? — Гость извлек из внутреннего кармана мятую газетную вырезку.— Вот извольте: «Недавняя переброска полицейских сил в белые районы Намибии свидетельствует о попытке остановить любое возможное нелегальное переселение африканцев». Иными словами, законов о пропусках больше нет, а контроль над притоком африканцев есть. Да здравствует контроль!

Между гостями прохаживался хозяин, полицейский комиссар, он же бригадный генерал Лоув, напевая партию горниста. О нем рассказывали невероятные вещи, он был легендой и гордостью Виндхука. Говорили, например, что в молодости он, когда собаки уставали перебирать лапами по следу преступника, чуть ли не сам становился на четвереньки и приводил погоню к счастливому завершению.

Генерал любовно оглядывал свою мебель, которая была выдержана в светлых тонах: он не терпел темной окраски. Даже рояль у него был кремовый, а клавиши — белые и голубые. Из уважения к хозяину и гости не позволяли себе ни черных костюмов, ни черных штиблет.

— Если бы мне дали возможность,— произнес Лоув, поглаживая орденскую ленту,— я бы провел апартеид в международном масштабе, и через месяц вы бы не узнали планету.

Раздались стройные аплодисменты, в которые вкрапился звонок телефона. Лоув поднял трубку, и она зычно объявила:

— Докладывает полковник Хунд. Мне срочно нужны подкрепления. Надо прочесать территорию.

— Кого вы ищете, черных партизан?

— Белую леди.

— Полковник, вы случайно не ошалели?

— Разрешите разъяснить, комиссар. Видите ли, ее муж епископ Ричард Вуд и несколько других безответственных церковников — помните еще такого Рольфа Фриде? — стали проповедовать равенство белых и черных перед богом. Так вот, по распоряжению из Претории мы и выставили их с богом.

— Я это не хуже вас знаю, полковник. Но при чем тут эта... как ее?..

— Кэти Вуд, то есть жена епископа. Понимаете, в последнюю минуту высылки она вдруг куда-то запропастилась. А теперь носится по Виндхуку и вслед за муженьком болтает, что чернокожие такие же люди, как и белокожие...

— Преступление налицо. Нужны безотлагательные меры. Даю вам мой резерв. Действуйте! — Лоув решительно опустил трубку, как приклад карабина.

Внимательно слушавшие разговор гости тут же включились в дискуссию:

— Эти белые, которые защищают черных, в известном смысле сами черные.

— Если бы я был премьер-министром, я распорядился бы таких белых вылавливать, покрывать черной краской и селить в резервациях.

— А где вы найдете такую прочную краску?

— На моей фабрике употребляют краситель, который отмывается вместе с кожей.

Один из гостей, который не расставался с транзисторным приемником на случай, если будет объявлено о всеобщем восстании черных или нашествии армий африканских государств, радостно провозгласил, что премьер-министр Форстер награжден медалью Общества защиты животных от жестокостей.

— И после этого находятся негодяи, которые обвиняют нас в жестокостях по отношению к чернокожим!

Генерал сказал:

— Нашему гуманному...

Но его прервал владелец транзисторного приемника:

— Извините, еще сообщение: министр иностранных дел нашей республики досточтимый Мюллер направил Генеральному секретарю ООН письмо, в котором черным по белому...

— Фу! — не сдержался генерал.

— Простите, фиолетовым по белому написано, что Намибия останется в ЮАР до тех пор, пока этого будет желать население Намибии.

— Конечно, оно этого желает,— подхватил другой гость.— А теми, у кого на этот счет другое мнение, займется наш генерал.

Лоув вздохнул полной грудью, а затем выдохнул несколько слов, которые заглушили шум всеобщего ликования:

— Нашему гуманному, животнолюбивому, цивилизованному апартеиду гип-гип-ура!

Позвонил телефон, и полковник Хунд отрапортовал, что на территории, принадлежащей белым, выловлено девять тысяч черных. Раньше их ловили на основании законов о пропусках, но после упразднения этих законов их стали брать по обвинению в незаконном трудоустройстве.

— Хорошо,— одобрил Лоув.— А леди?

— Генерал, я, мои люди и собаки можем идти по черному следу с завязанными глазами, во сне, в бреду, в гипсе и, если потребуется, в гробу. А вот белый след... не хватает квалификации.

— Понятно. Ждите меня. Я поведу вас...

— Послушай, милый, не постарел ли ты для такого дела? — заволновалась жена.— И нюх у тебя уж не тот и поясница...

Генерал быстро встал на четвереньки и, с силой всосав воздух, энергично поиграл ноздрями, а потом решительно рявкнул:

— Мы еще послужим отчизне: я, нос и поясница!

МАНГЕЙМ (ФРГ). Недавно местная организация «Друзья Франца Йозефа Штрауса» выступила с программой, в одном из пунктов которой, в частности, говорится:

«Мы требуем с целью восстановления великогерманского рейха возвращения земель, после второй мировой войны у нас уворованных, а именно — Австрии, Судетов, Силезии, Западной Пруссии, Данцига...» И далее: «За временную эксплуатацию вышеперечисленных земель требуем соответствующей компенсации».

Да, человеку без нацистского пунктика до такого пункта наверняка не додуматься!

РИМ. Выкрадывать людей и требовать за их возврат щедрую уплату — одна из процветающих отраслей западного подпольного бизнеса. Но операции с живым товаром сопряжены с немалым риском. Нельзя ли найти другой товар для выкупа, поспокойнее, потише?

Недавно в доме родственников покойного промышленника синьора Дж. Джакомини раздался телефонный звонок и некто весьма учтиво объявил: «Разрешите сообщить, гроб с останками незабвенного синьора Джакомини извлечен нами из могилы. Если вы, как мы полагаем, желаете его возврата, соблаговолите уплатить нам один миллиард лир».

Поторговавшись с потрошителями могил, родственники Джакомини выплатили им солидную сумму и получили гроб с дорогим покойником.

черным по белому

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Рисунок Б. ВОРОБЬЕВА

Рисунок В. САФОНОВА

Мих. ЛЬВОВСКИЙ,
специальный
корреспондент Крокодила

ГОСПОЖА УДАЧА

Пусть наука говорит что ей угодно, но раз в жизни повезет и невозможное свершится: сосед угадает шесть цифр в спортлото и выиграет пять тысяч на автомобиль, а нам самим улыбнется суровая приемщица стеклотары.

Надо только ждать. Ждать и верить, верить и ждать!

Так и поступала девушка из Минеральных Вод Танечка М. Ей еще не минуло и шестнадцати, она была упорная, волевая и ждала. Правда, пока Танечка работала посудомойкой в столовой конного завода, но впереди маячила, сверкала, манила другая, неизмеримо более желанная — с красивой кепочкой и хлыстом — должность жокея.

Случай явился в лице интересного молодого человека, примерно 28 лет, режиссера Сперанского. Он стоял на платформе и ждал электричку, как самый обыкновенный смертный.

— У нас, на «Мосфильме»,— сказал Сперанский, поправляя диагональный замок на, видимо, иностранном портфеле, — такие деньки на вес золота. Прощай, павильон! Беру свою экспедицию — и на натурные съемки!

— Значит, вы из «Мосфильма»? — спросила Танечка.

Сердце у нее екнуло, хотя ничего необыкновенного пока не произошло.

Необыкновенное наступило чуть позже. Поговорив о том, о сем — о системе Станиславского, театре и вешалке — и обмолвившись, что в Москве его ждет Сережа («Какой Сережа? — переспросил Сперанский, улыбнувшись.—Сергей Бондарчук, Танечка, кто же еще?»), режиссер вздохнул и пытливо посмотрел на юную собеседницу.

— А знаете, типаж подходит, — сказал он. — Хотите, я возьму вас на массовки?

Голова у Танечки слегка закружилась, и она слабо выдохнула:

— Хочу...

Он тут же отстегнул диагональный замок, достал бумагу, составил краткосрочный договор и поинтересовался:

— А сорок рублей у вас найдется?

— Зачем?

— Госпошлина, Танечка. Проза жизни, формализм, однако необходимо. Сбегайте-ка домой за прозой, а заодно захватите документы и вещички. Мы едем в Москву!

И после этого вы еще станете утверждать, что госпожу Удачу выдумали? Она есть, она правит миром!

Танечка летела в общежитие на крыльях. В ней все пело и ликовало, в голове перемешались павильоны, ретроспекция, мизансцены, образуя одно сплошное волшебство. Пусть не будет хлыста и кепи,—до свиданья, жокей!—гораздо важнее, что будет, возможно, еще одна кинозвезда!

Конечно, легко смеяться над простодушием юных сердец. А если жизнь тебя еще не обкатала и очень хочется приобщиться к миру киноискусства,— тогда как? Тогда и Сперанский покажется титаном духа...

Пока Танечка бегала домой, титан не терял времени зря и, встретив на платформе другую девушку, Наташу, процитировал свой коронный монолог:

— У нас, на «Мосфильме»...

— Скажите, а нельзя ли,— перебила его Наташа, — попробовать и мне свои силы?

— Пожалуй, — раздумчиво согласился режиссер.

Через десять минут был составлен договор, упомянута госпошлина и конфискована вся наличность Наташи — 15 целковых. Кроме того, она сдала маэстро на хранение белый плащ.

Не надо быть большим провидцем, чтобы угадать, как развернулись события. Поделившись радостной вестью с подругами, Наташа привела еще трех девушек. И они тоже расплатились по таксе, сознавая, что 15 рублей по сравнению с возможностью начать жизнь в искусстве — сущий пустяк.

Московскую знаменитость чуть не погубило собственное неудержимое витийство. Засунув «госпошлину» глубоко в иностранный портфель, Сперанский стал излагать подробности столичного кинобыта. Но то ли маэстро чуток перебрал, то ли по журналу «Экран» девчата знали подробности лучше него, только они заподозрили неладное. И позвонили в горисполком: действительно ли режиссер Сперанский приехал набирать типаж?

— Какой режиссер? Какой типаж? — страшно удивились в горисполкоме.

Учуяв неладное, наш герой, сопровождаемый Танечкой, успел смыться.

Сбежав с Танечкой в Тихорецк, он поручил ей роль подсадной утки. Она должна была знакомиться с желающими стать киноартистками, рассказать о своей удаче и воскликнуть, указывая на спутника: «Девушки, это Сперанский!» Так вот, первая же встретившаяся на вокзале пассажирка П. сдала свой билет в далекий Казахстан, а вырученные деньги, чемодан, сумочку, все, что у нее было, отдала шефу—скорей бы только к юпитеру! Здесь, в Тихорецке, и далее, в Москве, вербовка шла в бурном темпе. Без церемоний. Хотите сниматься: да или нет? Ах, хотите... Тогда заполните договор и внесите госпошлину. В Москве налог претерпел перемену: тут он слагался из пошлины в сумме 27 руб. 54 коп. и 11 руб. «за льготное питание».

Если кошелек вербуемой раскрывался не сразу, Сперанский позволял себе маленький психологический допинг. Где-нибудь на Ярославском вокзале он подходил к таксофону, в присутствии сомневающейся набирал номер и давал указание:

— Ольга Петровна, поиски прекратить! Девушку на роль дочери я уже нашел.

После чего избранница мчалась в родную Ивантеевку, или Кольчугино, или еще куда-нибудь, чтобы добыть фантастически малый взнос за большое будущее...

Между тем Танечка вошла в роль и, зычно крякая, подводила под мушку доверчивых птах. Она навострилась списывать у девушек шифры ячеек автоматических камер и вместе с шефом уводить чужие вещи...

Теперь вы знаете о режиссере Сперанском все. Кроме того, что он никакой не Сперанский. Он обыкновенный жулик Станислав Катков из города Иваново.

Время диктует моды: даже тунеядствующему мошеннику хочется прослыть оригиналом.

Ну что ж, занятие он выбрал нелегкое. Все время надо было ходить, как по острию ножа: врать, ловчить, выпутываться... Но в общем-то, риск был и не так велик. Не каждая «осчастливленная» девица отважится явиться в райотдел милиции и сказать: «А он, негодный обманщик, киноартисткой-то не устроил...»

Вот и действовал нахально Станислав Катков в перерывах между отсидками, возглашая жизненное кредо:

«А почему бы не отвалить им роль в кино? Жалко, что ли?»

На процессе, проходившем в Сокольническом нарсуде города Москвы, Катков поклялся, что осознал и больше не будет. Что ж, для перевоспитания суд дал ему достаточное время...

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ОШИБКА ЧИНГИСХАНА»

Полтора тысячелетия простояла Дербентская крепость. Ничто не могло одолеть ее, даже такой мощный разрушитель, как время. Сейчас это легко делают люди. Крепостные стены запросто превращаются ими в кладовые, душевые, мусорные ямы. Уже пали когда-то неприступные ворота Кирхляр-капы, Орта-капы и другие ценнейшие памятники. В стариннейшем образце зодчества — Кирхляр мечети действует шерстеочистительная машина.

Обо всем этом рассказывалось в фельетоне Вл. Митина («Крокодил» № 15).

Заместитель Председателя Совета Министров ДАССР тов. З. М. Хизроева сообщила редакции, что за серьезные недостатки в организации охраны, реставрации, правильного использования памятников истории, культуры и архитектуры, за допущение самовольных и незаконных строений на их территории председатель горисполкома тов. Ш. Н. Рувинов строго предупрежден.

Совет Министров ДАССР обязал Дербентский горисполком наметить и осуществить меры по устранению отмеченных в фельетоне недостатков. Генпланом г. Дербента и проектом детальной планировки города предусмотрены мероприятия по охране памятников культуры на длительный срок.

«ПО ИНЕРЦИИ...»

В Хойниках, Гомельской области, колхозники вырастили отменную бульбу. В связи с этим облпотребсоюз выделил для тружеников сельского хозяйства побольше ходовых товаров. Вскоре Хойникский райпотребсоюз получил партию ковров. Но желающих оказалось так много, что ковры продавали по спискам, в которые передовики-колхозники не попали (фельетон Б. Протопопова «По инерции...», «Крокодил» № 18).

Как сообщает председатель правления Белкоопсоюза тов. Т. Н. Стрижак, факты грубого нарушения правил торговли рассмотрены на заседаниях правлений Хойникского райпотребсоюза, Гомельского облпотребсоюза и Белкоопсоюза. Освобожден от занимаемой должности директор оптовой базы Хойникского райпотребсоюза т. Бондаренко. Председателю райпотребсоюза т. Волчку, заместителю председателя правления т. Шубенку, старшему бухгалтеру оптовой базы т. Страх, товароведу базы т. Мещевской, зав. складом т. Гончар и инженеру райпотребсоюза т. Фещенко объявлены строгие выговоры. Начальнику отдела материально-технического снабжения Гомельского облпотребсоюза т. Зюськову объявлен выговор.

На фельетон также откликнулось Министерство внутренних дел Белорусской ССР. За допущенное злоупотребление служебным положением при приобретении трех ковров бывшему заместителю начальника Хойникского райотдела внутренних дел, ныне начальнику Наровлянского РОВД т. Трубилову объявлен выговор.

«ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА»

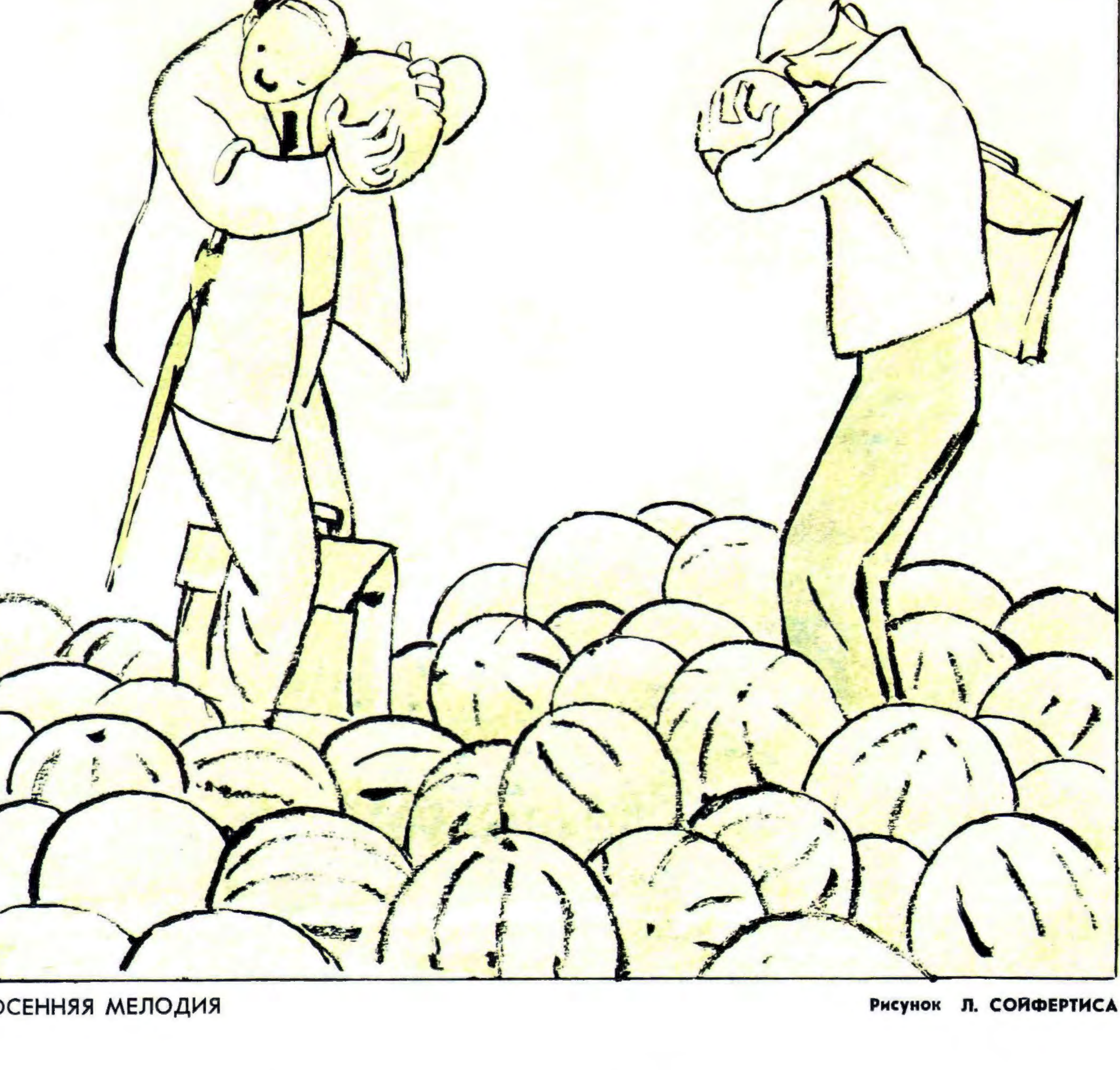
В опубликованной под таким названием заметке («Крокодил» № 15) говорилось о том, что в селе Казаки (Липецкая область) долгое время бездействует водонапорная башня.

Как сообщил председатель Елецкого райисполкома тов. П. В. Фролов, башня отремонтирована и к ней подключается водопроводная сеть.

— Судя по всему, новая вакцина действует успешно!

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Михаил СЕВЕРИН

Рассказ

Профессионалы

Двое за моим столиком спорили уже около часа, так что мне не приходилось скучать в ожидании официанта. Ученость их не вызывала сомнений: замысловатые термины без всякой задержки вылетали из жующих ртов.

— И все же я не согласен с вашей теорией конвульсированной акселерации ассимиляционных систем группы «Д»,— упрямился тот, кто, очевидно, был практиком.— Она страдает произвольностью психохронометрических параметров.

— Вы так считаете? — усмехнулся оппонент-теоретик.— Но вам как практику должны быть известны результаты наших двухлетних коллективных исследований в различных режимах. Диаграммы полностью подтверждают мои научные выводы.

— В вашем методе слишком слабая роль отведена автоэксперименту,— возразил практик.— Мы с вами специалисты в тончайшей области, можно сказать, художники, стирающие грани между наукой, искусством и... одним словом — грани. Ведь мы должны вооружить человечество знаниями и навыком в таком жизненно важном процессе, как...

— Тут я с вами вполне согласен,— кивнул теоретик.— В самом деле, люди по сей день, в сущности, ничего не знают о ТАИТЕ, не говоря уже о нашем УЖАСе.

Тут я не выдержал:

— Извините, что встреваю, о каком ужасе вы говорите?

Теоретик кинул на меня презрительный взгляд:

— Наш УЖАС — это унификация жевательно-аппетиторных систем — одна из главных проблем в области ТАИТЕ, что означает — теория аппетита и техника еды.

— Это что же, новая отрасль медицины?

Теоретик оживился:

— Вы впадаете в ошибку многих. Наша наука пошла дальше. Медицину мы используем лишь в рамках УЖО (устройства жующих органов), и больше она нам не нужна. Мы не отрасль медицины, а самостоятельная новая наука, без которой немыслима успешная практика.

— Вот именно,— подхватил его оппонент.

— Позвольте,— сказал я, запинаясь,— вы имеете в виду именно практику... еды?

— Если хотите, да,— снисходительно ответил теоретик.— Правда, это слишком упрощенно.

— Что же, по-вашему, люди не умеют есть?

— Совершенно,—сказал практик.— Их необходимо учить. Конечно, кое-какой минимум знаний в этой области у человечества имеется, но уровень техники просто смехотворный.

— Не говоря уже об эстетике жевательного процесса,— добавил теоретик.

Тут я, наконец, понял, что меня разыгрывают.

— Вы превосходные актеры,— рассмеялся я,— и текст ваш довольно смешной. Однако мне пора приступать к практике.

Как раз в это время официант поставил передо мной тарелку щей. Мои собеседники, пошептавшись, выжидательно глядели мне в рот.

— Да, ловко вы меня дурачили! — хмыкнул я, энергично расправляясь со щами.

— Простите, товарищ, наше любопытство,— обратился ко мне практик.— Сколько часов вы не ели?

«Сейчас я им выдам!» — обрадовался я.

— Могу ответить совершенно точно: корень одиннадцатой степени из периода полураспада ядра урана, деленный на удельный вес серной кислоты, если пользоваться шкалой Склифосовского и притом только в мажорных тональностях.

Я ждал, что они оценят мою находчивость и дадут мне за это спокойно дообедать. Но, к моему удивлению, оба помрачнели и брезгливо отвернулись от меня. Чтобы как-то разрядить обстановку, я улыбнулся и миролюбиво добавил:

— Да, вы правы, есть нынче тенденция из всего делать науку. Не хватало еще сделать ее из еды: уж в чем в чем, а в этом деле все поголовно мастера и крупные специалисты!

— Это вы-то специалист?! — подскочил на стуле побагровевший теоретик.— Да вы же в этом ничего не смыслите!

— Вы это... серьезно? — тихо ошалел я.

— Разумеется!—Теоретик так хлопнул по столу, что практик перестал жевать.— Вы невежда, как и все, кто сидит сейчас в этом зале и грубо фальсифицирует сложный и тонкий процесс. Откуда только у всех такое самомнение? Все, видите ли, всё знают и всё понимают; любитель учит уму-разуму профессионала! О времена!

— Действительно,— снова зажевал несколько отдохнувший практик.— Мы же не беремся судить о вашей этой... шкале Склифосовского.

Тут теоретик опять заговорил о своем УЖАСе...

Одевался я машинально: все думал о ТАИТЕ. Гардеробщик засмеялся мне в лицо:

— Гражданин, вы же шляпу как следует надеть не умеете. Прямо хоть учи! Вот народ, как с луны. А ведь вроде культурный!

Я поспешил ретироваться и уже на ходу услыхал, как уборщица говорила гардеробщику:

— Чтой-то ты, Гаврилыч, никак тряпку в руках держать не можешь? Хотя чего с тебя взять: ты ведь только в польтах и разбираешься...

УГРОБИЛИ...

Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

Владимир ЛИФШИЦ

Из цикла «РАССКАЖЕШЬ—НЕ ПОВЕРЯТ...»

1

Гостиница.
Просторный вестибюль.
Администратор важный
за конторкой.
В его глазах читаю:
«Шансов — нуль.
Не отвлекай
и попусту не дергай...»
Пускаю в ход
невинную уловку:
Изображаю робость,
даже страх
И с жалкою улыбкой
на устах
Ему сую
свою командировку.
Я лепечу,
что до смерти устал,
Что трое суток
в трудной был дороге,
Что трое этих суток
я не спал
И что меня
совсем не держат ноги.
Что мне
хотя бы на ночь
нужен кров,
Что буду благодарен
беспредельно...
— Все это зря,—
он говорит раздельно,—
У нас полно
свободных номеров.

2

— Большая угроза,—
Сказала береза,—
Над рощей нависла моей:
Быть снова пожару —
Я слышу гитару
И вижу толпу дикарей!
Отправят в огонь
Мое стройное тело,
Пойдет на растопку кора...
И люди явились...
Но странное дело:
Они обошлись без костра.
Они не ломали
Березок и елей,
Не думали даже о том.
Они под гитару
Негромко попели,
Сыграли потом в бадминтон.
Они повалялись
На травке-муравке,
Ту травку примяли чуть-чуть,
Поели, попили
И после заправки
В обратный отправились путь.
Но только сначала
На той же полянке —
В два счета — о чем разговор! —
Зарыли пустые
Консервные банки,
Бутылки, объедки и сор!

3

Сказала щеголихе щеголиха:
— Есть у меня прекрасная
портниха.
Отлично шьет, недорого берет
И телефон портнихи этой — вот!..

Зоран БОЖОВИЧ
(Югославия)

Интервью одного вахтера

Никогда мне не доводилось разговаривать с глазу на глаз с директором нашей конторы, и я очень смутился, когда он, просунув голову в мое вахтерское окошечко, прошипел, что меня тут посадили вовсе не для того, чтобы давать интервью журналистам. И тем более, говорит, не для того, чтобы критиковать систему работы конторы!

А я никакого интервью не давал и тем более ничего не критиковал. Честное слово! Я только рассказал журналистам, как они и просили, о своей собственной работе. Может, они сами добавили чего, что рассердило товарища директора? А рассказал я им всего-навсего вот что.

— Самые, — говорю, — легкие это первые два часа дежурства: в это время в помещении никого, кроме меня и уборщицы, нет. Можно чашечку кофе выпить, выкурить сигарету.

А вот к началу работы первым начинает прибегать мелкий служащий: секретарши там, стенографистки. Потом являются младшие референты, потом старшие. С ними особых хлопот нет. Им только головой кивнешь или попросишь не шуметь.

Вот начальники отделов, те обычно опаздывают на 20—30 минут. Это зависит от того, кто каким отделом руководит. С ними хуже: каждому надо лифт открыть, сказать «доброе утро, товарищ такой-то». Советники директора, те прибывают спустя 20—30 минут после начальников отделов, а два заместителя главного подъезжают, когда советники уже кофе выпьют, газеты перелистают. Их всегда кто-нибудь сопровождает, и им лифт открывать не надо.

А Сам,— говорю,— появляется промежду 11 и 12 часами. Чаще — около двенадцати. Ну, ему, конечно, и «добрый день», и пылинку смахнуть, и, натурально, лифт распахнуть. А потом опять часа три вольготных.

— А как с уходом с работы? — спрашивали журналисты.

— Уход,— говорю, — происходит в обратном порядке. Первым обычно отбывает директор. На совещание там, конференцию или еще куда. За ним сразу смываются заместители. Затем советники. Потом, конечно, начальники отделов. Ну, а за ними уже все остальные. Эти, естественно, по звоночку.

Если какой-нибудь начальник отдела запоздает сверх обычного, значит, жди: скоро повысят его в должности. И наоборот: начинает приходить пораньше — значит, понизили его.

Только об этом я и рассказал журналистам. Разве ж это, спрашиваю я вас, критика? Ведь в нашей конторе так много людей, что и моему внуку ясно: не смогут же все они войти в двери точно в девять ноль-ноль! Какой же ширины двери нужны в таком случае?!

Где же тут критика с моей стороны? Я отдельных-то людей не люблю критиковать, а не то что там целую систему работы. Я все как есть рассказал. Не прибавил, не убавил.

А товарищ директор такое, как он назвал, мое интервью близко принял к сердцу и в тот же день приказал на другом конце нашего здания пробить еще одну дверь. А поскольку я не мог контролировать движение служащих сразу в обеих дверях, меня и уволили. В связи с реорганизацией и рационализацией...

До того я расстроился, что не выходил месяц из дому: все думал...

А потом потянуло меня на старое место. Посмотреть — как там?

И представьте себе, что я вижу: новые-то двери замурованы, а все ходят в старые.

Только вахтер теперь вместо меня другой там сидит. Неразговорчивый какой-то...

— Ты что,—говорит,—интервью брать пришел? Не на такого напал: еще уволят, как моего предшественника!

Перевел Г. МАРКОВИЧ.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— А между прочим, поезд уже давно идет!

«Рир», Франция.

— Мне кажется, дорогая, горячий пар очень помогает при насморке...

«Квик», ФРГ.

●

Командированный муж целый день пытается дозвониться домой, но телефон все время занят. Наконец, потеряв терпение, он посылает жене телеграмму: «Повесь трубку».

●

Рассуждают две дамы:
— Что, интересно, женщины находили в мужчинах раньше?
— Когда раньше?
— Когда еще не изобрели деньги.

●

— Говорят, ты развелся еще два раза с тех пор, как мы виделись.
— Что делать, я всегда выбираю таких замечательных женщин, что и другие хотят на них жениться.

●

— Я же сказал: сначала женщины и дети!

«Пуркуа па?», Бельгия.

— Как вы думаете, почему на шоссе аварий гораздо больше, чем на железных дорогах?
— По двум причинам. Во-первых, ни один паровоз никогда не пытался обогнать другой, а во-вторых, видели вы когда-нибудь, чтобы машинист целовался на ходу с кочегаром?

●

— Мама, сегодня, когда пришли гости, я сделал доброе дело.
— Какое?
— Брат незаметно положил синьору Данутти кнопку на стул.
— И что ты сделал?
— Я подождал, пока синьор начал садиться, и в этот момент убрал из-под него стул.

●

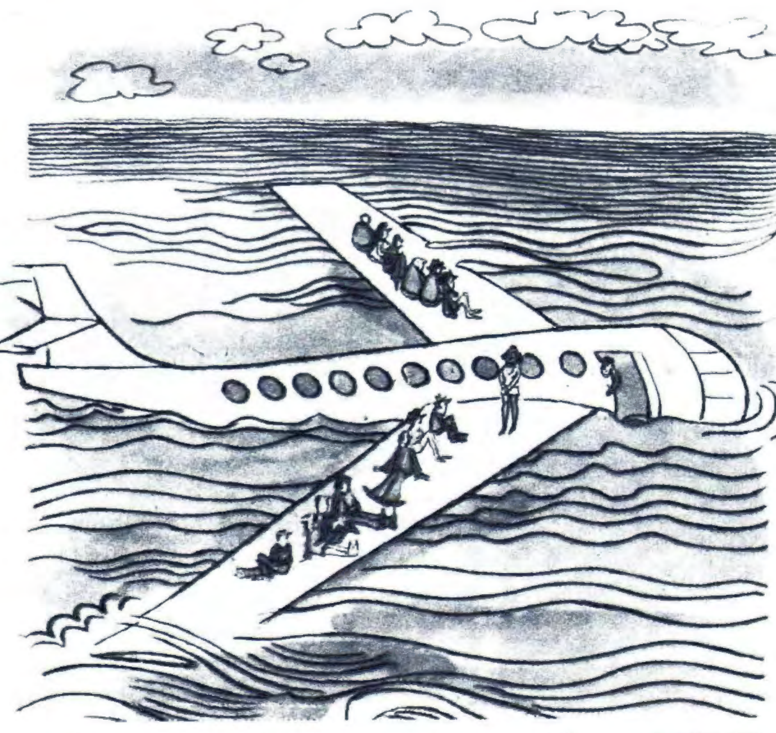
Во время посещения мужа в тюрьме жена тихонько спрашивает:
— Все ли в порядке с тем маленьким напильником, что я послала тебе в хлебе?
— Трудно сказать: меня оперируют завтра.

●

— Официант! — крикнул посетитель. — Принесите-ка мне стаканчик амброзии.
— Чего, чего?
— Как, — возмутился посетитель, — вы не знаете, что такое амброзия?! Это напиток богов!
— Простите меня, всеблагий господи, я вас сразу-то и не узнал!

●

Нищий смотрит, как маляр красит скамейку в парке, и спрашивает:
— Простите, приятель, как вы думаете, высохнет эта скамейка к девяти часам вечера?
— А почему вы спрашиваете об этом?
— Видите ли, я не люблю поздно ложиться спать.

— Уважаемые пассажиры, командир самолета приносит извинение за вынужденную посадку и желает вам приятного плавания.

«Ойленшпигель», ГДР.

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ (Польша)

Слухи

Распространился слух, что директора Плюху посадили.

— Говорят, зарезал собственную жену перочинным ножиком,— сказал поэт Росланек.

— Чужие жены его не устраивали,— сказал Беспальчик.

— Какой Плюха? — спросила пани Соловейчик.

— Обыкновенный Плюха, — объяснил поэт Росланек.

Пани Соловейчик удивилась:

— Председатель общества опеки над жертвами варшавских гастрономических предприятий?

— Он,— подтвердили мы.

— Почетный донор?! Председатель лиги вторичной ликвидации неграмотности детей и молодежи интеллигентного происхождения?!

— Увы! — кивнул головой поэт Росланек.— Задержали его, когда он грузился в байдарку в Швиноюще.

— Говорят, при нем был чемодан с бриллиантами,— сказала Патошонская,— большой картонный чемодан.

— Я тоже об этом слышал,— сказал Беспальчик.— Только этот картон был сделан из стодолларовых бумажек, склеенных под прессом.

— Практичная вещь,— улыбнулась пани Соловейчик.

— Продувная бестия,— сказал поэт Росланек.— Я слышал, что два года назад он задушил инкассатора, собиравшего плату за газ. У него много чего на совести.

— А эти доллары откуда? — удивилась пани Соловейчик.

— Темные дела, — объяснил Беспальчик,— был замешан в разных аферах.

В продолжение нескольких дней до нас доходили интересные подробности из хорошо информированных кругов.

Потом о директоре Плюхе появилась заметка в газете. Оказывается, он просто проворовался.

А жаль. Так захватывающе все развивалось!

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

КРОКОДИЛ
№ 25 (2143)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, Г. Воробьев, В. Жаринов, С. Кузьмин, Е. Милутка, В. Мохов, К. Невлер, И. Петухов, Ю. Степанов, Ю. Узбяков, М. Ушац, Л. Филиппова.

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

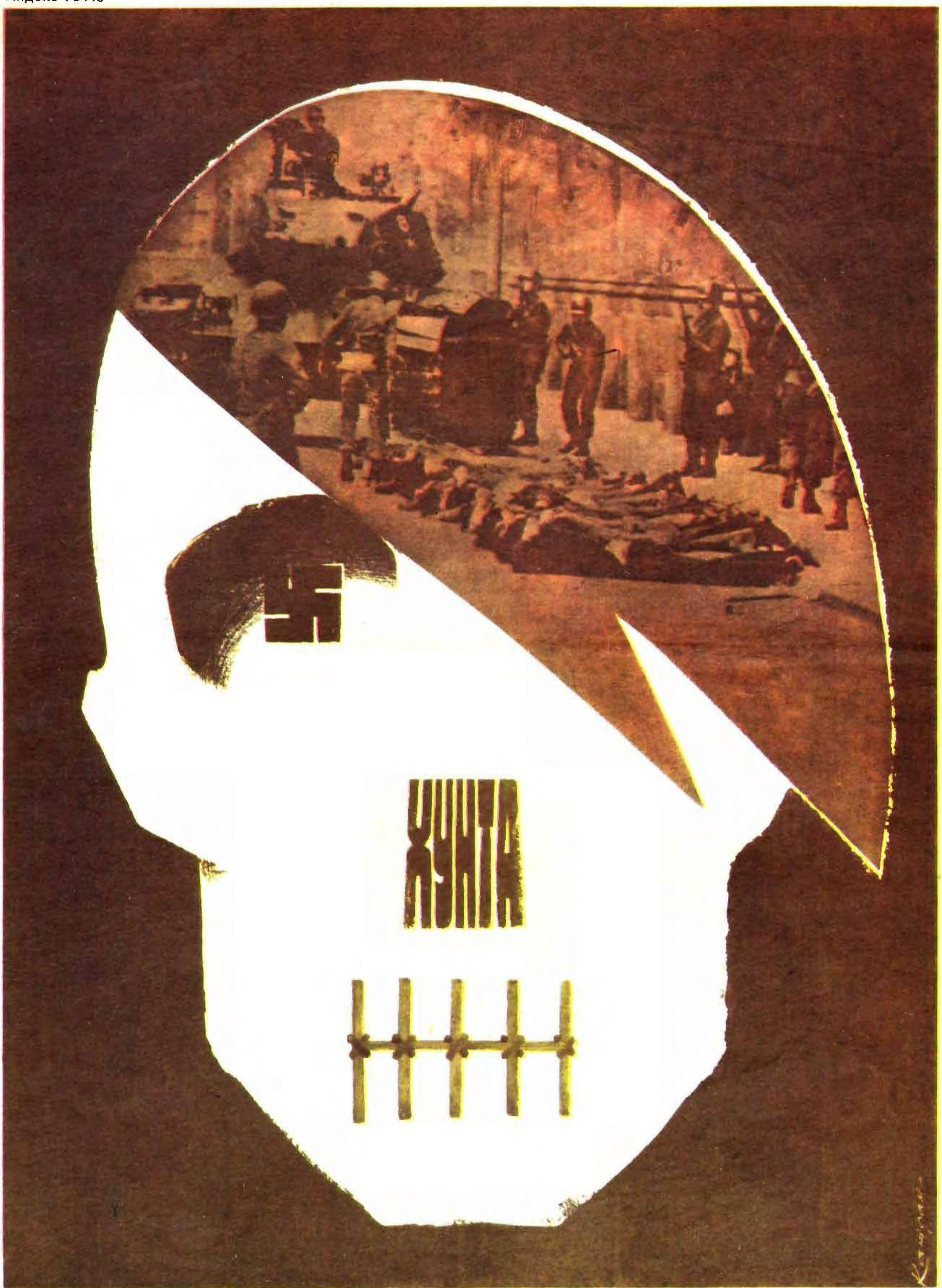
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 11/VIII 1975 г. А 00894. Подписано к печати 21/VIII 1975 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 930 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 628 530). Изд. № 2006. Заказ № 1050.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 125865, Москва, А-47, ГСП, ул «Правды», 24.

Обработал ЛЕБЕДЕВ А.В.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

ЛИЦО ЧИЛИЙСКОЙ ХУНТЫ

Плакат Е. **КАЖДАНА**